

— Ваша честь! — Мо Фэн слегка поклонился судье. Вся его прежняя игривость испарилась, а голос наполнился искренней серьезностью и торжественностью. — В самом центре эмблемы суда изображены весы! Они олицетворяют справедливость и беспристрастность закона!

Он указал рукой на герб, расположенный прямо над судейским столом. Лин Чэрэ, сидевший в углу скамьи для слушателей, проследил взглядом за его жестом. Эмблема, обрамленная колосьями, шестеренками и колоннами хуабяо, предстала перед глазами, а весы в ее центре застыли в незыблемом равновесии. Лин Чэрэ невольно сжал кулаки, лежавшие на коленях, а его лицо приняло непроницаемое выражение.

В зале суда воцарилась тишина. Истцы, ответчики, богатые дамы и члены семьи Лин — все невольно подняли головы, глядя на символ судебной власти. На какое-то время в огромном зале не осталось ни звука, кроме едва уловимого шороха одежды.

Мо Фэн опустил руку и заговорил еще более звучно и твердо:

— Колосья и шестеренки символизируют крестьян и рабочих! Это значит, что правосудие служит широким трудящимся массам!

Он сделал несколько шагов к своему столу, но не сел, а выпрямил спину и снова посмотрел на судью:

— Ваша честь, будучи служителем закона, я всегда помню о своем долге! Служить простым труженикам!

Он поднял заранее подготовленный документ:

— И сейчас передо мной история одного из таких тружеников! Цзян Синьминь! Он всю жизнь тяжело работал в поле, не разгибая спины, и каждый заработанный им грош был пропитан потом! Но даже живя в нужде, он делился своим скудным доходом с каждым, кто нуждался в помощи. Он подавал воду изнывающему от жажды прохожему, отдавал последний хлеб голодному нищему, дарил свою старую теплую одежду бездомным.

Судья слегка подался вперед, внимательно вглядываясь в документ в руках Мо Фэна и ловя каждое слово. Голос адвоката внезапно стал тише, наполняясь невыносимой тяжестью:

— Но его доброта не принесла ему доброго конца. В один из зимних вечеров, отдав бездомному свое единственное ватное одеяло, он возвращался домой, согретый теплом собственного сердца. И тут его сбил роскошный автомобиль, за рулем которого сидел избалованный юнец, привыкший лишь пить, гулять и ни во что не ставить человеческую жизнь. У него даже не было водительских прав!

Он лежал на холодном асфальте, и его кровь быстро окрашивала дорогу в алый цвет. А виновник даже не притормозил, чтобы проверить, жив ли человек, — он просто скрылся с места преступления!

Сказав это, Мо Фэн резко вскинул голову и гневно посмотрел на Юй Аоцяна, сидевшего в инвалидном кресле. Тот вздрогнул под этим взглядом, но постарался сохранить напускную свирепость и не отвел глаз.

— Этот убийца — Юй Аоцян! — Мо Фэн указал на него пальцем.

— О-о-о! — по залу пронесся гул.

Эти слова прозвучали как раскат грома. В рядах слушателей поднялся шум. Дамы забыли о светских приличиях, перешептываясь все громче:

— Так это он совершил тот наезд и сбежал?

— Сбил человека без прав и вышел сухим из воды?

— Неудивительно, что адвокат Мо поднял это дело, Юй Аоцян совсем потерял берега!

Лицо Юй Цяньдо мгновенно побелело. Он крепко схватил за плечо Юй Аоцяна, который уже собирался разразиться бранью, а по его лбу выступил холодный пот. Цзян Яньань резко подняла голову: в ее взгляде, направленном на Юй Аоцяна, к страху примешивалась лютая ненависть.

Лин Чэрэ, сидевший в углу, слегка прищурился из-под полей шляпы. Его взгляд, устремленный на Юй Аоцяна, был холоднее льда. Лишь он один знал, как бешено колотилось его сердце при каждом слове Мо Фэна.

Лан Фаньчэ сжал папку с документами, подавил отвращение к поступкам Юй Аоцяна и быстро поднялся:

— Протестую! Адвокат защиты пытается сбить суд с толку! Описанные события не имеют отношения к данному делу и являются излишними комментариями, уводящими от сути процесса! Прошу вашу честь пресечь это и напомнить присяжным не поддаваться на подобные провокации!

Не успел он закончить, как Мо Фэн развернулся к нему лицом. Его голос прогремел на весь зал:

— Адвокат Лан! Неужели ваша совесть не болит, когда вы произносите такое? Стоя здесь, в зале суда, вы забыли слова справедливость и беспристрастность?

Мо Фэн снова указал на Юй Аоцяна:

— Да, я признаю, что дело Цзян Синьминя напрямую не связано с нынешним обвинением в нанесении побоев! Но! — он повысил голос, обводя взглядом всех присутствующих. — Именно потому, что Юй Аоцян каждый раз, нарушая закон, мог откупаться деньгами своей семьи и избегать наказания, он стал таким вседозволенным и наглым! Ему мало того, что он сам

погряз в наркотиках, он еще и сует их в рот другим! А теперь, когда он сам пострадал из-за своих же злодеяний, он имеет наглость подавать встречный иск! Он даже здесь, в зале суда, смеет разглагольствовать, заявляя, что убить человека для него — все равно что раздавить муравья!

Голос Мо Фэна становился все более страстным, а на руке, сжимавшей документы, вздулись вены:

— Есть ли в таком человеке хоть капля уважения к жизни? Нет! Ставит ли он закон хоть во что-то? Нет! Есть ли в нем хоть малейшее раскаяние? И подавно нет!

<http://bllate.org/book/18695/1806862>